

Конвенция о правах инвалидов

Distr.: General
11 October 2021
Russian
Original: English

Комитет по правам инвалидов

Соображения, принятые Комитетом в соответствии со статьей 5 Факультативного протокола относительно сообщения № 44/2017* **

<i>Сообщение представлено:</i>	Магдоленой Рекаси (представлена адвокатом Хюттлем Тивадаром)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	автор сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Венгрия
<i>Дата сообщения:</i>	27 июля 2017 года (первоначальное представление)
<i>Дата принятия Соображений:</i>	6 сентября 2021 года
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилом 70 правил процедуры Комитета и препровожденное государству-участнику 14 ноября 2017 года (в виде документа не издавалось)
<i>Тема сообщения:</i>	реализация дееспособности в финансовых вопросах
<i>Процедурные вопросы:</i>	исчерпание внутренних средств правовой защиты; недостаточная обоснованность
<i>Вопросы существа:</i>	реализация дееспособности
<i>Статьи Конвенции:</i>	3 и 12 (пункты 3, 4 и 5)
<i>Статьи Факультативного протокола:</i>	2 (пункты d) и e))

1. Автором сообщения является Магдолена Рекаси, граждanka Венгрии, родившаяся 20 декабря 1970 года. Она утверждает, что является жертвой нарушения государством-участником ее прав, предусмотренных статьями 3 и 12 (пункты 3, 4 и 5) Конвенции. Факультативный протокол к Конвенции вступил в силу для государства-участника 3 мая 2008 года. Автор представлена адвокатом.

* Приняты Комитетом на его двадцать пятой сессии (16 августа — 14 сентября 2021 года).

** В рассмотрении сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Роза Идалия Алдана Сальгеро, Данлами Умару Башару, Герел Дондовдорж, Гертруда Офорива Фефоаме, Вивиан Фернандес де Торрихос, Оделия Фитусси, Мара Кристина Габрилли, Амалия Ева Гамио Риос, Самуэль Нджугуна Кабуз, Розмари Кайесс, Ким Ми Ён, сэр Роберт Мартин, Флойд Моррис, Йонас Рускус, Маркус Шефер, Саовалак Тхонгкуай и Риснавати Утами.

A. Резюме информации и доводов сторон

Факты в изложении автора

2.1 Автор утверждает, что у нее выявлена легкая форма психосоциальной инвалидности. 29 января 2009 года муниципальный суд города Ясберень поместил автора под опеку на основании пункта 1 статьи 15 Гражданского кодекса (Закон IV) 1959 года после того, как у нее диагностировали шизофрению. Согласно последнему заключению психиатрической экспертизы, которая является обязательной в судебных процедурах назначения опеки, у нее имеются симптомы бредовой дезориентации.

2.2 В 2013 году автор инициировала процесс пересмотра решения о назначении опеки¹. В окончательном решении от 16 июня 2014 года суд Центрального района Пешта постановил, что в силу своего психического состояния автор не может вести свои дела и поэтому должна быть помещена под «общую опеку» в соответствии с пунктом 4 статьи 14 Гражданского кодекса 1959 года. В 2015 году автор инициировала еще один пересмотр своего дела в суде. 17 февраля 2016 года суд Центрального района Пешта на основании статьи 2:19 (2) Гражданского кодекса (Закон V) 2013 года ограничил опеку вопросами, связанными с заботой о ее здоровье.

2.3 Автор поясняет, что до 2016 года она не обладала дееспособностью осуществлять свои права в отношении своих финансовых активов, поскольку опека полностью ограничивала ее дееспособность. По итогам пересмотра автор восстановила свою дееспособность в финансовых вопросах. 20 июня 2016 года опекун представила окончательный отчет об управлении финансовыми делами автора. Из отчета следовало, что 22 марта 2012 года опекун от имени автора заключила договор страхования жизни. Орган опеки города Уйас одобрил выплату страхового взноса спустя девять дней после заключения договора. Автор объясняет, что, как видно из документа об одобрении контракта, она не была проинформирована о договоре страхования и не имела возможности выразить свое мнение или личные предпочтения по этому вопросу, поскольку опекун не спрашивала ее мнения. Она не получила ни копии договора, ни копии заявления, поданного опекуном, ни копии разрешения органа опеки.

2.4 Страховой взнос составил около 1500 долл. США. Единственной целью страхования было покрытие расходов на похороны автора в случае ее смерти. Единственным бенефициаром была компания, предоставляющая похоронные услуги. Хотя автор имеет по договору право выкупить страховку, она не может получить полную сумму; это является существенной потерей для автора, которая живет лишь на ежемесячную пенсию в размере 203 долларов.

2.5 Автор утверждает, что у нее не было доступа к эффективному внутреннему средству правовой защиты, поскольку она была проинформирована о договоре страхования только на более позднем этапе. Если бы ей сообщили об этом раньше, она могла бы пожаловаться в орган опеки и попечительства. Как только автору стало известно о существовании договора, она подала письменную жалобу в орган опеки. Однако ответа она не получила. Она отмечает, что, если бы орган опеки отреагировал на ее жалобу, он не смог бы изменить договор страхования жизни. Хотя автор восстановила полную дееспособность в финансовых вопросах, это не меняет того факта, что договор является действительным и подлежит исполнению.

2.6 Автор отмечает, не указывая конкретной даты, что ее отец подал Уполномоченному по основным правам жалобу, в которой среди прочих вопросов речь идет и о заключении договора страхования жизни. Орган опеки сообщил Уполномоченному, что страховка была приобретена в соответствии со стандартной процедурой, которой следуют опекуны от имени своих клиентов. Автор отмечает, что название страховой компании вносится в раздел 3 формы отчетов опекунов об управлении финансовыми делами автоматически, что доказывает, что такие страховые полисы приобретаются без оценки конкретных интересов человека с инвалидностью. Уполномоченный не обнаружил нарушения основных прав автора. Автор объясняет,

¹ Подробный отчет о внутренних разбирательствах см. в пунктах 4.4–4.6 ниже.

что в любом случае Уполномоченный мог лишь дать рекомендации органу опеки, которые не носят обязательного характера.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что в нарушение ее прав, предусмотренных в статьях 3 и 12 (пункты 4 и 5) Конвенции, государство-участник не приняло меры, включающие надлежащие и эффективные гарантии реализации ею своей дееспособности в финансовых вопросах. На момент заключения договора страхования жизни автору было 42 года, и она была здорова. Страхование жизни автора с целью покрытия расходов на похороны в случае ее кончины было неоправданным финансовым решением, принятым ее опекуном и органом опеки без консультации с автором. В результате она была лишена возможности принимать решения по непосредственно касающимся ее финансовым вопросам. Это решение серьезно повлияло на ее финансовое положение. Она не может выкупить договор, не понеся значительных финансовых потерь. Структура договора явно не отвечала ее высшим интересам, воле или предпочтениям.

3.2 Автор утверждает, что в соответствии с пунктом 3 статьи 12 Конвенции государства-участники обязаны оказывать инвалидам поддержку в реализации ими своей дееспособности. Государства-участники должны воздерживаться от лишения инвалидов дееспособности и, напротив, должны предоставлять им доступ к необходимой поддержке, с тем чтобы они могли принимать решения, имеющие юридическую силу. Поддержка в реализации дееспособности должна уважать права, волю и предпочтения людей с инвалидностью и никогда не должна сводиться к принятию решений за них.

Замечания государства-участника относительно приемлемости

4.1 15 января 2018 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости сообщения. Оно утверждает, что сообщение является неприемлемым, поскольку не были исчерпаны внутренние средства правовой защиты. Государство-участник отмечает, что в соответствии с внутренним законодательством автор могла бы предъявить любые претензии, которые она имела к своему бывшему опекуну, в рамках гражданского иска, если бы она подала такой иск в течение годичного срока исковой давности.

4.2 Государство-участник поясняет, что в своем решении от 17 февраля 2016 года, разрешив автору самостоятельно управлять своими активами, суд Центрального района Пешта постановил передать автору все активы, находящиеся в управлении опекуна. В решении суд проинформировал опекуна, чьи полномочия были прекращены, о правилах составления окончательного финансового отчета. Он также проинформировал автора о том, что она может обратиться в суд с любой претензией, имеющейся у нее к профессиональному опекуну. Кроме того, суд указал, что срок давности по таким искам составляет один год, если только пострадавшая сторона не узнала о причинах, лежащих в основе ее иска, в более поздний момент. В таких случаях срок должен исчисляться с этой более поздней даты, при условии, что период времени, в течение которого требование остается в силе, не истек в соответствии со сроком давности. Если договор страхования жизни был заключен на законных основаниях, он может быть расторгнут на тех же условиях, которые были бы применимы, если бы автор обладал дееспособностью на момент заключения. Полномочиями оценивать законность заключения договора обладает венгерский суд. Комpetентный суд также вправе оценить, правильно ли действовал орган опеки, когда уполномочил опекуна заключить договор страхования жизни.

4.3 Государство-участник утверждает, что бывший опекун передала свой окончательный финансовый отчет автору 20 июня 2016 года, а органу опеки — 27 июня 2016 года. Согласно заявлению, сделанному бывшим опекуном 13 декабря 2017 года, автор не подавала никаких судебных исков по финансовым вопросам, как это предусмотрено законом, и поэтому она не исчерпала внутренние средства правовой защиты, которые являются эффективными и доступными не только в теории, но и на практике. Автор подала жалобу только Уполномоченному по основным правам

для получения правовой защиты. Однако этот правовой механизм не соответствует требованиям эффективного внутреннего средства правовой защиты, поскольку он не может принимать юридически обязательные решения.

4.4 Решением от 29 января 2009 года, которое вступило в законную силу 7 марта 2009 года, муниципальный суд города Яшберень передал автора под опеку, полностью ограничив ее дееспособность, и одновременно постановил, что обязательная оценка целесообразности дальнейшего сохранения опеки должна быть проведена не позднее чем через три года с момента вступления решения в законную силу. Принимая решение, суд руководствовался экспертным заключением судебного психиатра, который заявил, что параноидальная шизофрения, которой автор страдала в течение нескольких лет, привела к серьезному разрушению ее личности, поскольку она утратила способность к критическому суждению. Ее эмоциональные проявления были неконгруэнтны, она была далека от проблем повседневной жизни и неспособна к самостоятельной жизни.

4.5 В январе 2012 года, до даты обязательной оценки целесообразности дальнейшего сохранения опеки, автор просила снять с нее опеку. По итогам судебного разбирательства решением от 31 мая 2013 года суд Центрального района Пешта снял опеку, которая полностью ограничивала ее дееспособность, и назначил другой вид опеки, предусматривающий ограничение ее дееспособности в общих рамках, учитывая, что ее способность понимания, необходимая для самостоятельного ведения своих дел, неуклонно и заметно снижалась. Согласно экспертному заключению судебного психиатра, автор продолжала страдать параноидальным шизофреническим расстройством. В ее когнитивных способностях не было выявлено острых патологических изменений, однако расстройство, которым она страдала, привело к изменению ее личности. Ее болезнь привела к серьезному нарушению жизненно важных функций, повлияв на ее суждения. Она не могла осмысленно применять свои практические навыки и формулировала нереалистичные планы на будущее. Она не могла жить самостоятельной жизнью; стойкие и существенные нарушения произошли в ее способности понимания, необходимой для ведения повседневных дел. Следующая оценка целесообразности сохранения опеки, ограничивающей ее дееспособность, должна была состояться через пять лет с момента вынесения решения суда.

4.6 В 2015 году автор инициировала прекращение опеки. В своем решении от 17 февраля 2016 года, которое вступило в законную силу 22 марта 2016 года, суд Центрального района Пешта пересмотрел решение назначить над автором опеку в общих рамках и ограничил сферу ограничений вопросами, связанными с осуществлением прав, касающихся здравоохранения. Во всех остальных вопросах она полностью восстановила свою дееспособность. Суд постановил, что следующая оценка целесообразности опеки должна была состояться через два года. Согласно экспертному заключению судебного психиатра, назначенного в этом деле, автор страдала психическим расстройством, характеризующимся патологическими отсылками и патологическими мыслями — т. е. бредовым расстройством. В тоже время она сохранила навыки критического мышления и суждения, в течение некоторого времени у нее не наблюдались острые психиатрические симптомы, а ее способность соглашаться, необходимая для ведения повседневных дел, могла быть признана устойчиво и серьезно нарушенной только в очень узкой области, а именно в вопросах здравоохранения.

4.7 Государство-участник заявляет, что опека способствовала улучшению состояния автора. По причине отсутствия заботы со стороны родственников в силу ухудшившихся или конфликтных отношений в семье ее опекун организовала ее проживание в интернате. В результате адекватной и профессиональной помощи автор, которая до этого не знала о своем расстройстве, смогла восстановить свою способность к пониманию. Государство-участник поясняет, что в соответствии с национальным законодательством под опеку могут быть переданы только совершеннолетние лица, которые в силу своего психологического состояния или психического расстройства на постоянной основе и в полной мере утратили способность к пониманию, необходимую для повседневной жизни. Периодическая оценка целесообразности продолжения такой опеки является обязательной.

Государство-участник утверждает, что эта законодательная гарантия была в полной мере применена к автору.

4.8 Государство-участник объясняет, что Гражданский кодекс 1959 года предусматривал три варианта судебного ограничения дееспособности: опека, полностью ограничивающая дееспособность, опека, ограничивающая дееспособность в общих рамках, и опека, ограничивающая дееспособность в определенных вопросах. Государство-участник утверждает, что, поскольку автор находилась под опекой, которая полностью ограничивала ее дееспособность, ее опекун имела право заключить договор страхования жизни от ее имени. Государство-участник также информирует Комитет, что опекун также должна была получить одобрение органа опеки на заключение договора, что она и сделала. Как и прежний Гражданский кодекс, действующий Гражданский кодекс предусматривает, что перед принятием решения опекун обязан выслушать пожелания и просьбы опекаемого, если тот способен выразить свое мнение, и по возможности принять их во внимание. Еще одной важной гарантией является то, что управление активами опекуном должно быть направлено на поддержание благосостояния опекаемого лица. Опекун должен принимать во внимание личные пожелания опекаемого лица и удовлетворять его законные потребности в той мере, в какой это возможно, учитывая состояние активов.

4.9 Государство-участник указывает, что, когда автор находилась под опекой, полностью ограничивающей ее дееспособность, орган опеки назначил для нее последовательно несколько профессиональных опекунов. При каждой смене профессионального опекуна орган также оценивал, может ли автор сама назвать человека, который мог бы быть назначен ее опекуном, и подходит ли для этого кто-нибудь из ее родственников, который согласился бы стать ее опекуном. Ни один родственник не согласился выполнять функции опекуна, а человек, которого назвала автор, ее спутник жизни, по итогам специально проведенной процедуры был признан неподходящим для этой задачи. Благодаря усилиям опекуна автор получала регулярный доход. Кроме того, благодаря ретроактивной выплате пособий у нее накопилась значительная денежная сумма, которая была помещена на депозитный счет органа опеки с условным доступом. Управляя доходами автора, опекун действовала с должной осмотрительностью. Она всегда переводила доходы автора на депозитный счет, открытый на имя автора, вычитая расходы, связанные с уходом за ней и ожидаемые расходы на проживание. Финансовое учреждение было уполномочено осуществлять операции по распоряжению опекуна и с согласия органа опеки.

4.10 Государство-участник утверждает, что в постановлении от 22 марта 2012 года, которое в тот же день вступило в законную силу, орган опеки разрешил перевести примерно 1500 долл. США от автора страховой компании в качестве единовременного платежа в счет страхования жизни, которое покроет похоронные расходы после смерти автора.

4.11 Государство-участник объясняет, что состояние автора в период этой операции не позволило ее опекуну и органу опеки узнать ее мнение. При наличии возможности узнать мнение автора орган опеки в соответствии с правилами процедуры был бы обязан принять его во внимание.

4.12 В 2014 году автор подала жалобу в Управление Уполномоченного по основным правам по поводу страхования ее жизни. В письме от 18 сентября 2014 года Уполномоченный уведомил отдел социального обеспечения и опеки правительственный канцелярии области Яс-Надькун-Сольнок о том, что в ходе рассмотрения жалобы он установил, что назначенный профессиональный опекун поддерживала регулярный контакт с автором, находящейся под ее опекой, и что каждый понедельник она лично присутствовала в социальном учреждении интернатного типа, где находилась автор. Из-за сложных семейных отношений родственники автора не выразили готовность организовать для нее надлежащие похороны в случае кончины. В таких случаях заключение договора страхования жизни для покрытия расходов на похороны человека с инвалидностью является устоявшейся практикой. Учитывая, что семейная жизнь автора была полна конфликтов и что ее семейная ситуация ухудшилась вплоть до физического насилия, потребовавшего

вмешательства полиции, как опекун, так и орган опеки посчитали, что такое страхование будет отвечать интересам автора. Соответственно, на основании имеющихся документов Уполномоченный по основным правам пришел к выводу, что действия опекуна не сопровождались нарушением основных прав автора. В результате Уполномоченный прекратил рассмотрение жалобы.

4.13 Государство-участник делает вывод о том, что при управлении имуществом автора назначенный опекун полностью учитывала ее интересы. Вне зависимости от этого вывода, поскольку автор не исчерпала доступные ей и эффективные средства правовой защиты, ее жалоба должна быть отклонена.

Комментарии автора к замечаниям государства-участника относительно приемлемости сообщения

5.1 14 марта 2018 года автор представила свои комментарии к замечаниям государства-участника. Автор не оспаривает, что согласно статье 2:37 Гражданского кодекса 2013 года существует процедура, в соответствии с которой на бывшего опекуна может быть подан иск, если финансовый отчет, представленный опекуном, является неверным. Автор утверждает, что это не является эффективным средством правовой защиты в ее случае, поскольку данная процедура направлена на устранение нарушений или упущений в представляемой опекуном отчетности или финансового ущерба, возникшего в результате противоправных действий опекуна.

5.2 Она отмечает, что в данном случае она не утверждает, что отчет был сфабрикован, и не оспаривает законность договора страхования. Она утверждает, что, поскольку в соответствии с договорным правом договор страхования был законным, было бы бессмысленно подавать иск против опекуна. Она утверждает, что внутреннее средство правовой защиты, указанное государством-участником, является неэффективным, поскольку оно не может исправить тот факт, что с ней не консультировались в процессе принятия решения в 2012 году, тем более что она была проинформирована о существовании договора лишь в 2016 году.

5.3 В качестве центрального пункта своей жалобы автор оспаривает процедуру, в соответствии с которой был заключен договор страхования, поскольку ее воля и предпочтения были полностью проигнорированы в нарушение пункта 4 статьи 12 Конвенции, и, как следствие, она не могла контролировать ведение своих финансовых дел или хотя бы иметь право голоса в нарушение пункта 5 статьи 12 Конвенции. Процедура, которой следовали опекун и орган опеки, не соответствовала подходу, изложенному в Конвенции, в частности в пункте 3 статьи 12, согласно которому государство-участник должно предоставить инвалидам доступ к поддержке, которая им может потребоваться при реализации своей дееспособности. Участие автора в процессе принятия решения должно было быть обязательным согласно статье 12 Конвенции, и эта обязанность возникает даже в случае ограничения ее дееспособности в соответствии с национальным законодательством. Закон, по которому ее дееспособность была ограничена, явно противоречит статье 12.

5.4 В отношении аргумента государства-участника о том, что сам факт существования опеки делал невозможным для опекуна автора и органа опеки узнать ее мнение и что заключение договора страхования было разумным, поскольку семейная жизнь автора была полна конфликтов, автор указывает, что в одобрении органом опеки заключения договора страхования нет ссылки ни на одно из этих утверждений. Она также подчеркивает, что государство-участник не оспаривает тот факт, что обязательство по ее привлечению к принятию решения было полностью проигнорировано. Власти обязаны были по собственной инициативе проинформировать автора и привлечь ее к процессу принятия решения.

5.5 Автор ссылается на пункт 17 замечания общего порядка № 1 (2014), в котором Комитет заявляет, что поддержка инвалидов в реализации ими своей дееспособности может включать меры, связанные с универсальным дизайном и доступностью, с тем чтобы дать инвалидам возможность совершать юридические действия, необходимые для открытия счета в банке, заключения договоров или реализации других видов общественных отношений. Такая поддержка ей не была оказана.

5.6 Автор также ссылается на заключительные замечания по первоначальному периодическому докладу государства-участника, в которых Комитет рекомендовал государству-участнику эффективно использовать текущий процесс обзора его Гражданского кодекса и связанных с ним законов и принять немедленные меры, направленные на то, чтобы частично отменить опеку и перейти от субститutивного принятия решений к поддерживаемой модели принятия решений, которая уважает автономию человека, его волю и предпочтения и полностью соответствует статье 12 Конвенции, в том числе в отношении права человека как физического лица давать и отзывать информированное согласие на медицинское лечение, иметь доступ к правосудию, голосовать, вступать в брак, работать и выбирать место жительства². Автор утверждает, что эти шаги по переходу от субститутивного принятия решений к поддерживаемой модели принятия решений еще не были предприняты государством-участником. В ее случае ее «самоопределение» было полностью подменено решением опекуна и надзорного органа.

5.7 Наконец, автор ссылается на перечень вопросов, подготовленный до представления объединенных второго и третьего периодических докладов государства-участника, в котором Комитет просил государство-участник сообщить о мерах, принятых с целью отмены всех режимов опеки и субститутивной практики принятия решений и полной замены их практикой поддержки принятия решений в соответствии с Конвенцией и замечанием общего характера № 1, и проинформировать Комитет о том, каким образом соблюдаются индивидуальный выбор, воля и преференции при оказании лицу поддержки при принятии решений³.

Замечания государства-участника по существу сообщения

6.1 12 сентября 2018 года государство-участник представило замечания по существу сообщения. Оно заявляет, что сохраняет свою позицию, подробно изложенную в предыдущих замечаниях.

6.2 Государство-участник считает, что автор оспаривает не адекватность соответствующего правового регулирования в государстве-участнике, а скорее отсутствие информации, предоставленной автору в данном конкретном случае. В обоснование своей позиции о том, что опекун действовала с разумным приложением на протяжении всего срока действия своего мандата, государство-участник также представило Комитету заявление опекуна от 11 сентября 2018 года. Оно просит Комитет принять во внимание это заявление, в котором опекун сообщила, что вторую половину дня каждого понедельника она проводила в учреждении, в котором проживает автор. В эти приемные часы автор ни разу добровольно не посетила ее. Опекун несколько раз навещала автора. Однако получить ее мнение по финансовым вопросам оказалось невозможным, так как автор «не желала с ней общаться и отказывалась встать с постели». Опекун указала, что она регулярно консультировалась и поддерживала тесный контакт с медицинским персоналом. Она утверждала, что потребность в страховании жизни имела под собой разумные основания, поскольку родственники автора отказались организовывать для нее надлежащие похороны, поскольку в личном деле автора содержатся сообщения о насилии в семье, которые закончились вмешательством полиции, и поскольку автор признала, что ситуация в ее семье привела к ухудшению состояния ее здоровья. В заключение опекун заявила, что на момент подписания договора страхования жизни автор не могла выразить свое мнение по причине своего состояния и что члены ее семьи никогда не запрашивали никакой информации о делах автора.

² CRPD/C/HUN/CO/1, п. 26.

³ CRPD/C/HUN/QPR/2-3, п. 16.

Комментарии автора к замечаниям государства-участника по существу сообщения

7.1 8 мая 2019 года автор представила свои комментарии к замечаниям государства-участника по существу сообщения. Она отметила, что государство-участник вновь не оспаривает приемлемость жалобы.

7.2 Автор вновь заявляет, что государство-участник не принял всех надлежащих и эффективных мер для обеспечения учета ее интересов в связи с ее финансовыми делами в нарушение статей 3 и 12 (пункты 4 и 5) Конвенции.

7.3 Автор оспаривает заявление опекуна. Она отрицает, что опекун пыталась узнать ее мнение перед подписанием договора страхования. Это подтверждается тем, что ни опекун, ни орган опеки не выдали ей копию страховой гарантии и договора до прекращения опеки. Она также оспаривает утверждение о том, что не могла выразить свое мнение из-за своего состояния. На момент заключения договора страхования жизни автору было 42 года, и состояние ее здоровья было, и до сих пор остается, хорошим. Она утверждает, что заключение договора страхования для покрытия расходов на ее похороны было безответственным финансовым решением, которое противоречило ее интересам. Автор утверждает, что, с точки зрения здравого смысла, страхование для покрытия похоронных расходов может требоваться пожилым людям, не имеющим родственников, или лицам с тяжелыми или смертельными заболеваниями. По мнению автора, государство-участник не смогло доказать, что заключение договора было разумным решением в контексте индивидуальных обстоятельств автора. Принятие опекуном нерационального и ненужного финансового решения, которое стало тяжелым финансовым бременем, равносильно злоупотреблению властью, которое государство-участник не смогло предотвратить.

7.4 Автор утверждает, что если предположить — но не признать, — что она не могла выразить свое мнение по поводу серьезных финансовых решений, касающихся подавляющей части ее сбережений, то опекуну и органу опеки следовало подождать, пока ее состояние улучшится. Государство-участник не смогло представить удовлетворительные аргументы, подтверждающие, что оно приняло все надлежащие и эффективные меры для обеспечения контроля автора над ее финансовыми делами.

Дополнительные замечания государства-участника

8.1 29 июля 2019 года государство-участник представило дополнительные замечания. Государство-участник вновь повторяет, что автор не исчерпала все внутренние средства правовой защиты. Если договор страхования жизни был заключен на законных основаниях, он может быть расторгнут на тех же условиях, которые были бы применимы, если бы автор обладал дееспособностью на момент его заключения. Государство-участник вновь подчеркивает, что полномочиями оценивать, правильно ли действовал орган опеки, когда уполномочил опекуна заключить договор страхования жизни, обладает компетентный суд.

8.2 Государство-участник также повторяет, что опекун способствовала улучшению состояния автора, поместив ее в интернат с надлежащим и профессиональным уходом, где она смогла восстановить свою способность к пониманию.

8.3 Государство-участник далее повторяет, что в ходе процедуры заключения договора страхования жизни опекун не могла узнать мнение автора, поскольку над ней была установлена опека, полностью ограничивающая ее дееспособность.

8.4 Государство-участник заключает, что жалоба должна быть отклонена по причине неисчерпания внутренних средств правовой защиты и что в любом случае назначенный опекун в полной мере учитывала интересы автора при управлении ее активами.

Комментарии автора к дополнительным замечаниям государства-участника

9.1 18 ноября 2019 года автор представила свои комментарии к дополнительным замечаниям государства-участника. Она вновь заявляет, что внутренние средства правовой защиты были исчерпаны, поскольку процедура, предусмотренная в

статье 2:37 (пункты 4 и 5) Гражданского кодекса, упомянутая государством-участником, не является эффективным средством правовой защиты, поскольку она касается только претензий, возникающих в связи с нарушениями или упущениями в отчетности, а это не ее случай. Не существует никаких внутренних средств правовой защиты для оспаривания того, что ее воля и предпочтения были полностью проигнорированы и что, как следствие, она была не в состоянии контролировать управление своими финансовыми делами или, по крайней мере, иметь право голоса.

9.2 Что касается аргумента государства-участника о том, что страхование жизни для покрытия похоронных расходов способствовало улучшению состояния автор, автор считает это утверждение явно необоснованным. Автор считает, что прямая связь между восстановлением ее ослабленного психического состояния (психического расстройства) и наличием договора страхования жизни не может быть установлена. Она утверждает, что помимо «общей рациональности» на невозможность такой связи указывает тот факт, что автор даже не знала о договоре до тех пор, пока не был представлен окончательный отчет ее опекуна о состоянии ее финансов.

9.3 Автор не оспаривает аргумент государства-участника о том, что деятельность опекуна в целом способствовала благополучию автора. Однако она утверждает, что ее жалоба касается не общей оценки опеки, а отсутствия консультаций с ней по договору страхования жизни. Она повторяет, что деньги, потраченные на страхование жизни, составили значительную часть ее сбережений.

9.4 Что касается аргумента государства-участника о том, что с автором не консультировались по причине состояния ее здоровья, автор утверждает, что это не подтверждается никаким медицинским заключением. Одного лишь факта назначения над ней опеки недостаточно для обоснования этого утверждения. Автор заявляет, что состояние ее здоровья было удовлетворительным благодаря полученному лечению. Ее право на высказать свое мнение при принятии важных финансовых решений не должно зависеть от ее медицинского состояния, поскольку ни в Конвенции, ни в Гражданском кодексе такое условие не предусмотрено.

9.5 Автор не оспаривает заявление государства-участника о том, что страхование жизни является устоявшейся стандартной практикой, которой орган опеки следует для обеспечения покрытия расходов на похороны инвалидов. Однако, по ее мнению, это не означает, что с ней не должны были советоваться. Она вновь заявляет, что на момент заключения договора ей было всего 42 года и что судебная оценка целесообразности опеки проводилась в 2012 году. Она сомневается, что у многих людей со схожими финансовыми возможностями в этом возрасте есть такая страховка. Автор также подчеркивает, что, поскольку опека ограничена во времени, необходимо было в первую очередь исходить из того, что она полностью восстановит свою дееспособность. Автор считает, что страхование жизни, покрывающее похоронные расходы, не может считаться обоснованной и отвечающей интересам человека с ограниченными возможностями операцией, если только этот человек не является неизлечимо больным и/или старым.

9.6 Автор делает вывод, что государство-участник не оспаривает ее главную претензию, касающуюся отсутствия консультаций. Она повторяет, что и Конвенция (статья 12 (пункты 4 и 5)), и Гражданский кодекс обязывают власти инициировать консультации с целью предотвращения злоупотреблений в отношении финансовых интересов инвалидов. Решение было принято независимо от ее воли и предпочтений, а страхование жизни не способствовало ее благополучию.

B. Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

10.1 Прежде чем приступить к рассмотрению любой жалобы, содержащейся в сообщении, Комитет обязан решить в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола и правилом 65 своих правил процедуры, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу.

10.2 В соответствии с пунктом с) статьи 2 Факультативного протокола Комитет удостоверился, что этот же вопрос еще не изучался Комитетом и не рассматривался или не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

10.3 Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что автор не исчерпал все имеющиеся внутренние средства правовой защиты, поскольку в государстве-участнике вопрос о том, правильно ли действовал орган опеки при заключении договора страхования жизни, когда он уполномочил опекуна автора заключить договор от имени автора, мог бы рассмотреть компетентный суд. Он принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что автор могла бы подать жалобу на своего бывшего опекуна в рамках гражданского иска в течение годичного срока исковой давности, чего она не сделала. Однако Комитет также отмечает оставшиеся не оспоренными аргументы автора о том, что: а) в соответствии с внутренним законодательством опекуны могут быть привлечены к суду только в случае нарушений или упущений в представляемой опекунами отчетности или в случае финансового ущерба в результате противоправных действий опекуна; б) в ее случае это средство защиты не было эффективным, поскольку она не утверждает, что действия опекуна были мошенническими, и не оспаривает законность договора страхования; и с) в стране отсутствуют правовые механизмы для рассмотрения ее жалобы на то, что с ней не консультировались и что ее воля и предпочтения не были приняты во внимание в связи с заключением договора страхования жизни. Комитет далее отмечает, что государство-участник не указало, какое внутреннее средство правовой защиты автор могла бы использовать для рассмотрения ее жалоб, с которыми она обратилась в Комитет. С учетом этого Комитет считает, что автор не имела в своем распоряжении никаких эффективных средств правовой защиты и что ее жалобы по статье 12 (пункты 3, 4 и 5) Конвенции являются приемлемыми в соответствии с пунктом д) статьи 2 Факультативного протокола.

10.4 Что касается заявлений автора по статье 3 Конвенции, Комитет напоминает, что ввиду ее общего характера эта статья в принципе не может использоваться для подачи самостоятельных жалоб и на нее можно ссылаться только в связи с другими основными правами, гарантированными Конвенцией⁴. Комитет считает, что в данном случае автор не смогла обосновать свои утверждения по статье 3 Конвенции и объявляет эту часть сообщения неприемлемой согласно пункту е) статьи 2 Факультативного протокола.

10.5 Соответственно и при отсутствии других препятствий с точки зрения приемлемости Комитет объявляет сообщение приемлемым в отношении утверждений автора по пунктам 3), 4) и 5) статьи 12 Конвенции и переходит к рассмотрению сообщения по существу.

Рассмотрение по существу

11.1 Комитет рассмотрел сообщение в свете всей полученной им информации в соответствии со статьей 5 Факультативного протокола и пунктом 1 правила 73 своих правил процедуры.

11.2 В данном деле вопрос, который Комитет должен решить, заключается в том, является ли решение органа опеки, разрешающее опекуна автора заключить договор страхования жизни от ее имени, нарушением ее прав, предусмотренных в пунктах 3, 4 и 5 статьи 12 Конвенции. Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что с ней не консультировались до заключения договора страхования жизни и что ее воля и предпочтения не были приняты во внимание.

11.3 Комитет принимает к сведению объяснение государства-участника, согласно которому из-за существования опеки, полностью ограничивающей дееспособность автора, и ее состояния на момент заключения договора мнение автора нельзя было узнать. Он также принимает к сведению аргумент государства-участника,

⁴ См. *Бахер против Австрии* (CRPD/C/19/D/26/2014), п. 8.11; и *Бисли против Австралии* (CRPD/C/15/D/11/2013), п. 7.5.

утверждающего, что необходимость заключения договора страхования жизни от имени автора была вызвана конфликтной ситуацией в семье автора и тем фактом, что ее родственники заявили о нежелании организовывать для нее надлежащие похороны. В то же время Комитет также принимает к сведению аргумент автора о том, что в документе, утверждающем заключение договора органом опеки, эти причины не упоминаются.

11.4 Комитет также отмечает, что на момент заключения договора автору было всего 42 года, она имела хорошее здоровье, и в тот момент ее жизни ничто не угрожало. Он также отмечает, что состояние автора значительно улучшилось благодаря полученному лечению. Комитет также принимает во внимание заявление автора о том, что заключение договора страхования, единственной целью которого было обеспечить покрытие расходов на ее похороны, было, по ее мнению, безответственным финансовым решением, которое противоречило ее интересам. Он также отмечает, что, хотя по условиям договора автор имеет право выкупить страховку, она не может получить всю сумму, что является существенной потерей для автора, которая получала только ежемесячную пенсию в размере всего лишь 203 долл. США. В этой связи он отмечает, что государство-участник не объяснило срочность или необходимость заключения договора страхования жизни от имени автора с учетом всех обстоятельств.

11.5 Комитет напоминает, что в соответствии со статьей 12 Конвенции государства-участники обязаны признать, что инвалиды обладают дееспособностью наравне с другими во всех аспектах жизни. Согласно пункту 4 статьи 12 Конвенции государства-участники обязаны обеспечить, чтобы все меры, связанные с реализацией дееспособности, предусматривали надлежащие и эффективные гарантии предотвращения злоупотреблений в соответствии с международным правом прав человека. Такие гарантии должны обеспечивать, чтобы меры, связанные с реализацией дееспособности, ориентировались на уважение прав, воли и предпочтений лица, были свободны от конфликта интересов и неуместного влияния, были соразмерны обстоятельствам этого лица и подстроены под них, применялись в течение как можно меньшего срока и регулярно проверялись компетентным, независимым и беспристрастным органом или судебной инстанцией. Комитет также напоминает, что в соответствии с пунктом 5 статьи 12 Конвенции государства-участники также обязаны принимать все надлежащие и эффективные меры для обеспечения равного права инвалидов на управление собственными финансовыми делами.

11.6 Комитет далее напоминает, что в соответствии с пунктом 21 его замечания общего порядка № 1 в тех случаях, когда после приложения значительных усилий все же оказывается практически невозможным установить волю и предпочтения отдельного лица, вместо установлений, касающихся «высших интересов», следует применять «наилучшее толкование воли и предпочтений». Это ориентировано на уважение прав, воли и предпочтений отдельного лица в соответствии с пунктом 4 статьи 12. В отношении взрослых принцип «высших интересов» не служит гарантией, которая сообразовывается со статьей 12, если говорить о взрослых. Парадигму «высших интересов» следует заменить парадигмой «воли и предпочтений» для обеспечения того, чтобы инвалиды пользовались правом на дееспособность наравне с другими. В этой связи Комитет отмечает, что государство-участник не смогло продемонстрировать, что оно предприняло сколь-либо серьезные усилия для определения воли и предпочтений автора или наилучшего толкования ее воли и предпочтений.

11.7 Комитет также принимает к сведению аргумент автора, утверждающей, что процедура, которой следовали орган опеки и ее опекун, также игнорировала требования пункта 3 статьи 12 Конвенции, согласно которому государство-участник обязано предоставить инвалидам доступа к поддержке, которая им может потребоваться при реализации своей дееспособности. Комитет считает, что, хотя государства-участники имеют определенную свободу усмотрения для определения процедурных механизмов, позволяющих инвалидам реализовывать свою

десспособность⁵, необходимо уважать процессуальные гарантии и права конкретных лиц. В этой связи Комитет напоминает, что в своих заключительных замечаниях по первоначальному периодическому докладу государства-участника он рекомендовал государству-участнику эффективно использовать текущий процесс обзора его Гражданского кодекса и связанных с ним законов и принять немедленные меры, направленные на то, чтобы частично отменить опеку и перейти от субститутивного принятия решений к поддерживаемой модели принятия решений, которая уважает автономию человека, его волю и предпочтения и полностью соответствует статье 12 Конвенции, в том числе в отношении права человека как физического лица давать и отзывать информированное согласие на медицинское лечение, иметь доступ к правосудию, голосовать, вступать в брак, работать и выбирать место жительства⁶. В случае автора Комитет отмечает, что, учитывая, что на момент заключения договора десспособность автора была полностью ограничена, ей не было предоставлено никакой возможности или поддержки или необходимых условий для осуществления своих прав в отношении финансовых вопросов.

11.8 В свете вышесказанного Комитет считает, что решение органа опеки разрешить опекуну автора заключить договор страхования жизни от имени автора, не предприняв значительных усилий для определения ее воли или предпочтений, или «наилучшего толкования» ее воли и предпочтений, представляет собой нарушение ее прав, предусмотренных в пунктах 3, 4 и 5 статьи 12 Конвенции.

C. Выводы и рекомендации

12. Комитет, действуя в соответствии со статьей 5 Факультативного протокола, считает, что государство-участник не выполнило свои обязательства по статье 12 (пункты 3, 4 и 5) Конвенции. Поэтому Комитет выносит государству-участнику следующие рекомендации:

- a) в отношении автора государство-участник обязано:
 - i) предоставить ей эффективное средство правовой защиты, включая поддержку в выкупе договора страхования жизни по ее требованию, и возместить ей финансовые потери для восстановления ее средств в полном объеме, в том числе издержки на юристов, понесенные при подаче сообщения, и выплатить компенсацию за нарушение ее прав по Конвенции;
 - ii) опубликовать настоящие соображения и широко распространить их в доступных форматах среди всех групп населения.
- b) в целом государство-участник обязано принять меры для предотвращения подобных нарушений в будущем, в том числе путем:
 - i) принятия незамедлительных мер, направленных на то, чтобы частично отменить опеку и перейти от субститутивного принятия решений к поддерживаемой модели принятия решений, которая уважает автономию человека, его волю и предпочтения и полностью соответствует статье 12 Конвенции, в том числе в отношении права человека как физического лица управлять собственными финансовыми делами;
 - ii) обеспечения в консультации и при сотрудничестве с инвалидами и представляющими их организациями на национальном, региональном и местном уровнях надлежащей и регулярной подготовки всех социальных партнеров, в том числе государственных служащих, судей и социальных работников, по признанию правоспособности инвалидов и по механизмам поддерживаемого принятия решений⁷.

⁵ См. *Медина Вела против Мексики* (CRPD/C/22/D/32/2015), п. 10.6; *Юнгелин против Швеции* (CRPD/C/12/D/5/2011), п. 10.5.

⁶ CRPD/C/HUN/CO/1, п. 26. См. также CRPD/C/HUN/IR/1, п. 110.

⁷ CRPD/C/HUN/CO/1, п. 26.

13. В соответствии со статьей 5 Факультативного протокола и правилом 75 правил процедуры Комитета государству-участнику следует в течение шести месяцев представить Комитету письменный ответ, включающий информацию обо всех мерах, принятых в свете настоящих соображений и рекомендаций Комитета.
